

Шильдер Николай Карлович

**Император Александр
Первый, его жизнь и
царствование**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Н63

Н63 **Николай Карлович Ш.**
Император Александр Первый, его жизнь и царствование: Том 1 / Шильдер
Николай Карлович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 466 с.

ISBN 978-5-521-31162-0

ISBN 978-5-521-31162-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Трудъ Н. К. Шильдера «Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе» состоитъ изъ четырехъ частей. Первая часть обнимаетъ дѣтство и молодые годы Александра до восшествія его на престолъ; вторая—эпоху преобразованій съ 1801 по 1810 годъ; третья—борьбу съ Франціей съ 1810 по 1816 годъ, и четвертая—послѣднее десятилѣтіе, такъ называемую эпоху реакціи, съ 1816 по 1825 годъ.

Выборъ иллюстрацій для настоящаго изданія сдѣланъ редакторомъ «Историческаго Вѣстника» С. Н. Шубинскимъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ котораго находился весь художественный отдѣлъ.

Сообразно съ содержаніемъ текста, выбирались исключительно портреты и рисунки, имѣющіе историческое значеніе и достовѣрность, исполненные преимущественно въ александровское время тогдашними художниками и граверами. При воспроизведеніи соблюдалась, главнымъ образомъ, возможно точная передача подлинниковъ, безъ всякихъ украшеній или измѣненій (за исключеніемъ формата), причемъ не допускалось даже исправленіе недостатковъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ художественномъ отношеніи.

Почти всѣ иллюстраціи сдѣланы съ рѣдкихъ оригиналовъ, находящихся въ богатомъ собраніи гравюръ П. Я. Дашкова, любезно представившаго ихъ въ распоряженіе издателя. Только благодаря его содѣй-

ствію и можно было столь обильно и роскошно иллюстрировать настоящее изданіе.

Портреты и рисунки въ краскахъ исполнены въ хромофотографіи «Новаго Времени». Фототипіи — въ художественной мастерской Вильборга въ Петербургѣ. Геліогравюры — въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Цинкографіи — Англеромъ и Гешлемъ въ Вѣнѣ и въ цинкографіи «Новаго Времени». Гравюры на деревѣ — Панемакеромъ въ Парижѣ, Бѣме, Зубчаниновымъ, Матѣ, Мультиановскимъ, Павловымъ, Рашевскимъ и Шюблеромъ въ Петербургѣ.

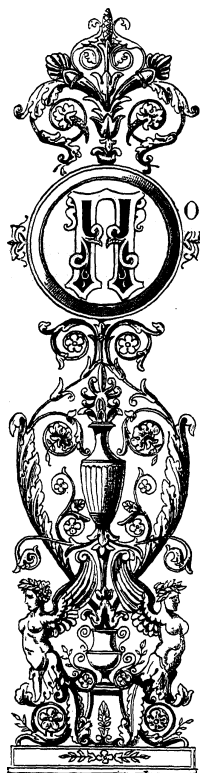
Копіи съ картинъ рисованы художниками С. С. Соломко, В. П. Павловымъ и А. А. Чижинымъ. Фотографіи съ рѣдкихъ оригиналовъ снимались фотографомъ Петербургской судебной палаты А. Н. Малевинскимъ.

Заглавная виньетка, буквы, заставки и концы (style empire) рисованы художникомъ В. П. Шрейберомъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОСЛѢ тревожныхъ сентябрьскихъ дней 1777 года, когда небывалое въ лѣтописяхъ Петербурга наводненіе грозило столицѣ гибелью, настало для императрицы Екатерины II радостное событіе. Во вторникъ 12-го (23-го) декабря 1777 года, въ десять и три четверти часа утра, великая княгиня Марія Ѳеодоровна въ Зимнемъ Дворцѣ разрѣшилась отъ бремени сыномъ¹; новорожденному дано, по желанію императрицы, имя Александра, въ честь Александра Невского, святого народнаго для Россіи и для Петербурга въ особенности².

Династія наконецъ упрочилась, а вмѣстѣ съ тѣмъ для императрицы представлялась въ будущемъ возможность назначить себѣ наслѣдника по сердцу. Судя по послѣдующимъ событіямъ ея царствованія, позволительно думать, что уже въ то время мысль эта не была чужда государственному уму Екатерины; возможность подобной развязки въ дѣлѣ престолонаслѣдія могла конечно только

усугубить радость, испытанную государынею при рожденіи внука, этого залого будущаго счастья Россіи.

Рожденіе перваго внука императрицы Екатерины было общимъ торжествомъ отечества. «О семъ великомъ благополучномъ происшествіи, читаемъ мы въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1777 года, возвѣщено жителямъ столицы 201 пушечнымъ выстрѣломъ съ крѣпостей Петропавловской и Адмиралтейской, а въ придворной большой церкви отправлено съ колѣнопреклоненіемъ благодарственное молебствіе. Вечеромъ въ шестомъ часу придворныя особы приносили императрицѣ поздравленіе. На другой день 13-го декабря послѣдоваль въ Зимнемъ Дворцѣ большой выходъ. Послѣ литургіи, Синода члены, духовенство, знатныя особы и чужестранные министры приносили Императрицѣ поздравленіе. Въ тотъ же день, въ пятомъ часу, цесаревичъ Павелъ Петровичъ принималъ поздравленіе въ своихъ покояхъ»³.

Веселымъ письмомъ, отъ 14-го (25-го) декабря⁴, Екатерина возвѣстила это радостное событіе Гримму, съ которымъ она привыкла дѣлиться своими впечатлѣніями: «Я бьюсь объ закладъ, что вы вовсе не знаете того господина Александра (*monsieur Alexandre*), о которомъ я буду вамъ говорить. Это вовсе не Александръ Великій, а очень маленькій Александръ, который родился 12-го этого мѣсяца въ десять и три четверти часа утра. Все это конечно значить, что у великой княгини только что родился сынъ, который въ честь св. Александра Невскаго получилъ торжественное имя Александра и котораго я зову господиномъ Александромъ... Но, Боже мой, что выйдетъ изъ мальчугана? Я утѣшаю себя тѣмъ, что имя оказываетъ вліяніе на того, кто его носить; а это имя знаменито. Его носили иногда матадоры... жалъ, что волшебницы выпли изъ моды; онѣ одаряли ребенка чѣмъ хотѣли; я бы поднесла имъ богатые подарки и шепнула бы имъ на ухо: сударыни, естественности, немножко естественности, а ужъ опытность додѣляетъ почти все остальное» (*mesdames, du naturel, un tantinet de naturel, et l'expérience fera à peu près le reste*).

Крещеніе великаго князя Александра Павловича происходило въ большой церкви Зимняго Дворца 20-го декабря. Новорожденнаго несли на глазетовой подушкѣ герцогиня Курляндская⁵; подушку и покрывало поддерживали оберъ-шенкъ Александръ Александровичъ Нарышкинъ и генералъ-аншефъ Николай Ивановичъ Салтыковъ. Обрядъ крещенія совершалъ духовникъ императрицы протоіерей Іоаннъ Панфиловъ, воспріемницей же была сама государыня, а заочными воспріемниками: императоръ римскій Іосифъ II и король прусскій Фридрихъ Великій. Такимъ образомъ будущій творецъ Священнаго Союза уже съ колыбели связанъ былъ духовнымъ родствомъ съ вѣнценосцами Австріи и Пруссіи.

Затѣмъ начался цѣлый рядъ великолѣпныхъ придворныхъ и народныхъ празднествъ, данныхъ императрицею и ея вельможами. «До поста осталось какихъ нибудь двѣ недѣли», писала въ февралѣ 1778 года Екатерина Гримму, «и между тѣмъ у насъ будетъ одиннадцать маска-

Императрица Екатерина II.

Съ гравюры Каролины Ватсонъ, сдѣланной съ портрета Россена.

радовъ, не считая обѣдовъ и ужиновъ, на которые я приглашена. Опасаясь умереть, я заказала вчера свою эпитафію»⁶.

Съ рожденіемъ Александра какъ будто возсіяла для имперіи надежда добрыхъ и свѣтлыхъ дней. Это общее предчувствіе прекрасно выразилъ

Державинъ въ своей одѣ: «На рожденіе въ Сѣверѣ порфиророднаго отрока». Окружа колыбель Александра всѣми гениями благотворными, поэтъ одному изъ нихъ влагаешь въ уста желаніе:

«Будь на тронѣ человѣкъ!»

Эти стихи, въ послѣдствіи часто приводившіеся какъ пророчество, были въ свое время знаменательны какъ выраженіе требованія, которое уже начинало шевелиться въ русскомъ обществѣ и органомъ котораго явился поэтъ какъ одинъ изъ передовыхъ людей эпохи. Этотъ голосъ былъ, конечно, въ связи съ тѣми гуманными идеями, которыя вносились въ жизнь націи самымъ духомъ царствованія Екатерины, ея примѣромъ, ея законами и учрежденіями⁷.

Въ это время новорожденный великій князь благоденствовалъ. Въ мартѣ 1778 года Екатерина пишетъ Гримму⁸: «Что касается господина Александра, то о немъ и рѣчи нѣтъ; какъ будто бы его не было. Ни малѣйшаго безпокойства съ тѣхъ поръ какъ онъ явился на свѣтъ. Благословеніе Божіе да будетъ надъ душою его, какъ и надъ тѣломъ. Это принцъ, который здоровъ, вотъ и все. Вы говорите, что ему предстоитъ на выборъ подражать либо герою, либо святому одного съ нимъ имени, но вы, вѣроятно, не знаете, что этотъ святой былъ человѣкъ съ качествами героическими. Онъ отличался мужествомъ, настойчивостью и ловкостью, что возвышало его надъ современными ему удѣльными, какъ и онъ, князьями. Татары уважали его, Новгородская республика подчинилась ему, цѣня его доблести. Онъ отлично колотилъ шведовъ, и слава его была такъ велика, что его почтили саномъ великаго князя. И такъ, по-моему, господину Александру не предстоитъ свобода выбора, но его собственныя дарованія направлять его на стезю того или другого, и во всякомъ случаѣ изъ него выйдетъ хорошенькій мальчикъ. Боюсь за него только въ одномъ отношеніи: но объ этомъ когда нибудь скажу вамъ на словахъ; доめкайте⁹. (Il n'y a qu'une chose que j'apprehende pour lui: je vous la dirai un jour de bouche; à bon nez salut)».

Съ первыхъ же дней жизни великаго князя Александра Павловича, державная бабка всецѣло предалась мысли воспитать продолжателя великихъ дѣлъ ея славнаго царствованія, называя его въ своей перепискѣ будущимъ вѣнценосцемъ (*porteur de couronne en herbe*). Признавая сына и невѣстку неспособными воспитать будущаго русскаго государя, Екатерина, какъ глава императорскаго дома, считала своимъ правомъ и обязанностью взять на себя заботы по его воспитанію въ надеждѣ видѣть въ немъ въ послѣдствіи воплощеніе лучшихъ своихъ думъ и стремленій. Материнская и вполне женственная сторона характера Екатерины, по исключительнымъ обстоятельствамъ мало проявившаяся въ воспитаніи сына, пробудилась съ особенною силою при рожденіи

Императрица Екатерина II въ 1794 году.

Съ портрета того времени, сдѣланнаго съ натуры карандашомъ Шубинимъ.

(Подлинникъ въ Эрмитажѣ).

перваго внука. Она лелѣяла его дѣтство, назначала ему впослѣдствіи наставниковъ и руководила его ученіемъ; сосредоточивая на Александрѣ самую горячую нѣжность и заботливость, императрица въ то же время никогда не теряла изъ виду связанный съ нимъ династическій интересъ.

«Normal-Schulmeisterin», — какъ называется Екатерина Гриммъ, — будучи горячей поклонницей просвѣтительнаго движенія, охватившаго тогда Западную Европу, и въ совершенствѣ знакомая съ современными теоріями воспитанія, приступила къ дѣлу физическаго воспитанія своего внука во всеоружіи и научныхъ знаній и опытности¹⁰. Отъ ея вниманія не ускользнуло болѣзненное сложеніе цесаревича Павла Петровича, его нервная чуткость и раздражительность, приписываемыя ею не безъ основанія разслабляющему дѣйствию нѣжнаго, тепличнаго ухода за нимъ нянюшекъ и старушекъ подъ руководствомъ императрицы Елисаветы Петровны¹¹. Поэтому Екатерина желала прежде всего закалить здоровье своего внука и приучить его къ перенесенію разнаго рода невзгодъ.

«Какъ только господинъ Александръ родился», писала Екатерина въ 1778 году шведскому королю Густаву III, «я взяла его на руки и, послѣ того какъ его вымыли, унесла въ другую комнату, гдѣ и положила его на большую подушку. Его обернули очень легко, и я не допустила, чтобы его спеленали иначе, какъ посылаемая при семь кукла¹². Когда это было сдѣлано, то господина Александра положили въ ту корзину, гдѣ кукла, чтобы женщины, при немъ находившіяся не имѣли никакого искушенія его укачивать: эту корзину поставили за ширмами на канане. Убранный такимъ образомъ господинъ Александръ былъ переданъ генералшѣ Бенкендорфъ; въ кормилицы ему была назначена жена молодца садовника изъ Царскаго Села¹³, и послѣ крещенія своего онъ былъ перенесенъ на половину своей матери, въ назначенную для него комнату. Это — обширная комната, посреди которой расположенъ на четырехъ столбахъ и прикрѣпленъ къ потолку балдахинъ, со спинкой и съ занавѣсами вокругъ до полу; занавѣсы и балдахинъ, подъ которыми поставлена кровать господина Александра, окружены балюстрадой, вышиною по локоть; постель кормилицы — за спинкою балдахина. Комната обширна, для того чтобы воздухъ могъ обращаться свободно вокругъ балдахина и занавѣсокъ. Балюстрада препятствуетъ приближаться къ постели ребенка многимъ особамъ за разъ; скопленіе народа въ комнатѣ избѣгается, — и не зажигается болѣе двухъ свѣчей, чтобы воздухъ вокругъ него не былъ слишкомъ душнымъ; маленькая кровать господина Александра, такъ какъ онъ не знаетъ ни люльки, ни укачиванія, — желѣзная, безъ полога; онъ спитъ на кожаномъ матрацѣ, покрытомъ простынею, у него есть подушечка и легкое англійское одѣяло; всякія оглушительныя заигрыванія съ нимъ избѣгаются, но въ комнатѣ

всегда говорить громко, даже во время его сна. Тщательно слѣдить чтобы термометръ въ его комнатѣ не подымался никогда выше 14 или 15 градусовъ тепла. Каждый день, когда выметають въ его комнатѣ, ребенка выносятъ въ другую комнату, а въ спальнѣ его открываютъ окна для возобновленія воздуха; когда комната согрѣется, господина

Баронъ Гриммъ.

Съ гравюры Ласерфа, сдѣланной съ портрета Кармонтея.

Александра снова приносятъ въ его комнату. Съ самаго рожденія его приучили къ ежедневному обмыванію въ ваннѣ, если онъ здоровъ; сначала эта вода была теплая, теперь она холодная, принесенная только наканунѣ. Онъ такъ любитъ это, что какъ только увидить воду, то просится войти въ нее, и во время лѣтнихъ жаровъ его купали по два и по три раза въ день въ холодной ваннѣ. Какъ скоро только весною

воздухъ сдѣлался сноснымъ, то сняли чепчикъ съ головы господина Александра и вынесли его на воздухъ; мало-по-малу приучили его сидѣть на травѣ и на пескѣ безразлично, и даже спать тутъ нѣсколько часовъ въ хорошую погоду въ тѣни, защищеннымъ отъ солнца. Тогда кладутъ его на подушку, и онъ отлично отдыхаетъ такимъ образомъ. Онъ не знаетъ и не терпитъ на ножкахъ чулокъ, и на него не надѣваютъ ничего такого, что могло бы малѣйше стѣснить его въ какойнибудь части тѣла. Когда ему минуло четыре мѣсяца, то чтобы его поменьше носили на рукахъ, я дала ему коверъ, около четырехъ аршинъ въ квадратѣ, который разстилается въ его комнатѣ; тутъ одна или двѣ женщины садятся на полъ и кладутъ господина Александра на животикъ. И здѣсь-то онъ барахтается такъ, что весело смотрѣть. Онъ становится на четверенькахъ; онъ пѣтится назадъ, когда не можетъ ползти впередъ. Любимое платьице его, это—очень коротенькая рубашечка и маленький вязаный, очень широкой жилетикъ; когда его выносятъ гулять, то сверхъ этого надѣваютъ на него легкое полотняное или тафтиное платьице. Онъ не знаетъ простуды, онъ полонъ, великъ, здоровъ и очень веселъ, не имѣетъ еще ни одного зуба и не кричитъ почти никогда¹⁴. (*Pi ne connait point de refroidissement, il est gros, grand, bien portant et fort gai, n'ayant pas une dent et ne criant presque jamais*)».

Изъ этихъ строкъ очевидно, съ какою любовію и заботливостію, съ самаго рожденія своего старшаго внука, Екатерина входила во всѣ подробности физическаго воспитанія Александра, направляя его самымъ рациональнымъ образомъ.

Нѣсколько позже, въ началѣ 1779 года, Екатерина сообщила Гримму слѣдующія утѣшительныя извѣстія о маленькомъ Александрѣ: «Что касается воспитанія будущаго вѣнценосца, я намѣрена держаться неизмѣнно одного плана и вести это дѣло по возможности проще; теперь ухаживаютъ за его тѣломъ, не стѣсняя этого тѣла ни швами, ни тепломъ, ни холодомъ и отстраняя всякое принужденіе. Онъ дѣлаетъ что хочетъ, но у него отнимаютъ куклу, если онъ съ ней дурно обращается. Зато такъ какъ онъ всегда веселъ, то исполняетъ все, что отъ него требуютъ; онъ вполне здоровъ, силенъ и крѣпокъ и голъ; онъ начинаетъ ходить и говорить. Послѣ семи лѣтъ мы пойдемъ дальше, но я буду очень заботиться, чтобы изъ него не сдѣлали хорошенькой куклы, потому что не люблю ихъ»¹⁵.

Александръ Павловичъ въ первые годы его младенчества былъ ввѣренъ попеченію генеральши Софіи Ивановны Бенкендорфъ (рожденной Левенштернъ), вдовѣ ревельскаго коменданта Ивана Ивановича Бенкендорфа¹⁶. Императрицѣ особенно посчастливилось при выборѣ няни. Это была жена перваго камердинера великаго князя, Прасковья Ивановна Гесслеръ, родомъ англичанка, женщина рѣдкихъ достоинствъ; она передала первыя хорошія привычки и наклонности своему питомцу,